

18+ Вячеслав Абрамов

Истины нет. И не будет

Вячеслав Абрамов

Истины нет. И не будет

<https://litres.ru/74274898>

ISBN 9785007067751

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Что есть истина?» — спросил Пилат у Христа и ушёл, — не ждал и не хотел ответа... Мудрые говорят: «Бойся того, кто говорит что нашёл истину». Потому что ни у кого нет того, чем её находят. Мы настолько уверились в правильности своих иллюзий, что не можем увидеть реальности. Мы по своим свойствам стали противны тому миру, в котором находятся и ответы, и причины... Круг замкнулся? Но есть возможность обратить круг в спираль — ту самую, по которой поднимаются к высшему... Туда, где живёт сама истина.

Содержание

Про бессилие науки перед тайною Бермуд	5
Жил-был умник, который не считал себя умником	11
Единственное полезное воздействие большого города	15
Может, мальчика-то и не было?	21
Уследить неуследимое и не наследить	30
Мыслимо ли всё, что разобьётся?!	34
Стихи, картины и голограммы души	38
Истины нет. И не будет. Пора обедать	43
Истины нет. И не будет. После обеда	51
Не можем любить, но только этого хотим...	57
Кагор — для причастия, шампанское — для восхищения	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Истины нет. И не будет

Вячеслав Абрамов

© Вячеслав Абрамов, 2026

ISBN 978-5-0070-6775-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Про бессилие науки перед тайною Бермуд

Живу себе вроде спокойно, несмотря на житейские проблемы и сложную международную обстановку. Ну и, на беду, слышу: учёные наконец-то решили неразрешимую загадку природы. А именно, что появилось раньше — курица или яйцо?

Неужели в мире стало одной загадкой меньше? Этот вопрос тысячи лет не давал покоя философам и ученым мужам. Будоражил простых обывателей, склонных к размышлениям. Сколько бессонных ночей, вздохов и стенаний, сколько изнасилованных мозговых клеток!

Взгляды на проблему излагали в своих трудах классики философии из Древней Греции. Аристотель, например, считал, что ничего из курицы и яйца не было первично, а появились они одновременно. Он рассуждал: если бы первый человек должен был родиться без отца или матери, то это было бы противно природе. Яйцо не могло быть первым, чтобы дать начало птицам, ибо само должно быть снесено птицей, и не может быть первой птица, раз сама появилась из яйца.

С ним были согласные и несогласные. Вопрос широко обсуждался, и каждый его решал по-своему. Даже возник анекдот.

Яйцо и курица занимаются любовью. Яйцо пыхтит:

— Ой, похоже я раньше!

Курица:

— Какой сюрприз!

И вот уже без анекдотов на этот вопрос дан окончательный ответ! Причём ответ этот вполне обоснован как с научной и философской, так и с сугубо практической точки зрения. Чай, не до нашей эры живём.

Первым всё-таки появилось яйцо. В специальной дискуссии, посвященной решению этой проблемы, приняли участие учёный-генетик, эксперт в области философии науки и хозяин птицефермы. Уж кому, как не им, определить наконец истину?! Поставить все точки над сомнениями веков!

Джон Брукфилд, специалист по эволюционной генетике из Ноттингемского университета, следующим образом обосновывает эту точку зрения: *«В процессе жизни животного генетический материал сохраняется неизменным. Следовательно, первая птица, которая постепенно превратилась в того, кто является современной курицей (предполагается, это было еще в доисторические времена), сначала существовала в виде эмбриона внутри яйца»*. Живой организм, скрытый в яичной скорлупе, имеет ту же ДНК, что и птица, которая из него в будущем вылупится. Из всего этого можно заключить, что в эволюционном смысле первым всё-таки было яйцо.

С этими выводами согласились приглашённые на дебаты

эксперты — профессор Дэвид Папино из Лондонского университетского колледжа, и хозяин птицефермы Чарльз Бурнс. Дэвид Папино является специалистом по философии науки. Его объяснение было ещё проще: первый цыпленок появился из яичка, следовательно, яичко было раньше цыпленочка.

Всё. Можно, братцы, спать спокойно.

Но дёрнул же лукавый меня полезть в блудливый Интернет!

Там висит заголовок: «Британские ученые дали ответ на вопрос, который многие годы ставил в тупик самые блестящие умы человечества: что появилось первым — курица или яйцо».

Ну вот, думаю, — лишний раз можно увериться в первичности яйца! Что оно всему начало!

Читаю: согласно данным исследований, первой все-таки появилась... курица. Бляха муха, это что же такое?!

Ученые из университетов городов Шеффилда и Уорика провели тщательные исследования. Чтобы было ещё тщательнее, с помощью мощного компьютера смоделировали на генетическом уровне процесс появления куриного яйца.

И теперь они отмечают, что ключевую роль в формировании яйца играет протеин овоклединин-17 или ОС-17. Он участвует в создании яичной скорлупы. Без этого протеина, который находится в организме курицы, появиться яйцо не может.

«Данный протеин был известен уже давно, однако только сейчас мы установили, что он напрямую связан с формированием яйца и контролирует данный процесс», — заявил профессор Колин Фримэн.

Но этого британским ученым было мало. Они установили, что у различных видов птиц существуют различные варианты данного протеина. А курицы обладают уникальной формой ОС-17, без которой известное всем куриное яйцо появиться на свет не может!

Полный пип! Как дальше жить?! Все мозги разбили на части и извилины заплели! Какие тут Бермуды, их загадка — это фигня по сравнению с базовой проблемой яйца и курицы.

Придётся разбираться. Иначе всё вокруг утратит свой смысл.

Чтобы разобраться, наверное нужно перво-наперво установить: а чем же курица отличается от яйца? Это пока можно выполнить и без моделирования на мощном компьютере.

Яйцо — оно такое округлое, неправильный, но эллипсоид. Курица не имеет геометрических пропорций.

Идём дальше. Курица может самостоятельно передвигаться, яйцо — нет. Курица кудахчет, и особенно громко кудахчет, когда сносит яйцо. Яйцо молчит.

Курица несёт яйца и вылупляется из яйца. Яйцо же за весь период своей сознательной жизни не совершает ровным счётом никаких действий. Ибо, как только на нём появится тре-

щина, яйцо перестаёт существовать и продолжает своё бытие в образе и подобии курицы!

На этой мысли натываемся на версию о том, что курица первична: если бы не было курицы, то откуда взяться яйцу? Опять же, курица может снести, а может и не снести яйцо, а из яйца обязательно вылупится курица! Хотя, пардон, может появиться и петух... А как курица без петуха-то, да без этого самого... топтания?

Учёные, выходит, про это забыли? Впрочем, за исследованием проблемы веков можно и забыть...

А может, первым появился петух? И так ему понадобилась для эволюции размножаться яйцами, что природа смиловилась и произвела для него курицу? Однако, занесло...

Пойдём путём другим. Допустим, эволюцией «а-ля Дарвин» была произведена курица, но она не несла яйца. И в какой-то эволюционно оправданный момент у неё каким-то образом, но не яйцом, родилась та самая курица, которую мы теперь считаем первой правильной курицей, так как именно она, благодаря эволюции, приобрела способность снести яйцо.

Но в таком случае получается, что эволюция как-то не совсем процессуальный естественный отбор. Раз есть какой-то момент. Ведь оправданным он может быть только чем-то (кем-то) разумным.

Объяснение может быть другое: мутация. Что-то приле-

тело, подломило ДНК прапракурицы так, что без яйца уже было не обойтись. А естественный отбор постановил, что так оно будет лучше.

Но тогда, господа, естественный отбор — вторичен! Тем более, что таких «случайностей» (когда что-то откуда-то прилетело и всё потом зашевелилось) получается многовато.

Один неразрешённый вопрос порождает множество. Может, поэтому профессора и лауреаты скромно молчат. Подразумевается, что они знают. Знают где? В сознании. Сознанием занимается мозг. Не всегда и не у всех, но у учёных-то — точно.

Ох, много ночей утекло... Я перестал употреблять и кур, и яйца. Даже выращенные без петухов в соответствии с передовыми достижениями науки.

И однажды мне явилась курица. Несомненно, во сне. Я сразу понял, что она — говорящая, причём не британским говором, а нашим. То есть, британские учёные за ней не стоят. Такого случая я упустить не мог. И прямо в лоб, по-простому спросил:

— Скажи мне, о курица, что же появилось раньше, ты или яйцо?

Курица покосилась на меня круглым глазом. Так, как это умеют делать только курицы. И ничего не сказала.

Но я и без слов понял: раньше появились куриные мозги...

Жил-был умник, который не считал себя умником

Жил-был один умник. Конечно, он жил не один. Вокруг были другие люди.

Это так обычно начинают рассказы, потому что речь-то пойдёт как бы об одном.

Он сам никогда не считал себя умником. Его так называли.

А он, даже совсем наоборот, — никогда ничего не мог понять.

Но ему раз за разом хотелось понять — и приходилось думать. Так появилась у него вредная и дурацкая привычка — думать.

В детстве он был пухленьким розовощёким мальчиком, и был такой, как все.

В школе учился всему, чему учили. Чему не учили — не учился.

И в институте учился и учился, но ни к чему особо полезному не приучился.

Потом уже и жизнь его стала учить, а он не мог этой жизни научиться.

Не научился ни приумножать, ни делить, ни поднести, ни отнести. Ни разводить, ни сводить.

Не мог обувать, окучивать, отжимать, доить. Не получалось подъезжать, подмахивать или подламывать и подсиживать.

А привычка думать — никак не выводилась.

И стал он подозревать, что как-то всё вокруг неправильно. Говорят одно, а делают другое.

Главное — с выражением произносить правильные слова, а делать можно неправильное. Но! — только то, что другие делают, и чтобы без разговоров, втихаря, без выражения.

Не попадёшься — поощрят, попадёшься — накажут.

Даже тот, кто призывает возлюбить ближнего своего, сначала всех карает, а потом прощает и говорит, что любит. Это вообще как-то не по уму. И не по душе.

Он думал-думал — и нашёл объяснение!

И на некоторое время ему полегчало, даже привычка думать как-то притормозилась, не будоражила.

Ага, это же всё — игра!

Одни играют с другими. В игре все учатся, на ошибках или на выигрышах.

Если это так — то всё становится объяснимо. Все безобразия и красоты этой жизни.

И всё как бы понарошку, если что — можно выйти из игры, как в детстве: «а я в это не играю», — и пойти в другую песочницу.

Раз всё игра — надо только знать правила. Уяснить, кто за кого играет. И всё в твоей жизни наладится! И в жизни

всех других всё станет правильно!

И он стал уяснять. И тут обнаружил: никто ведь не играет! Все в этой жизни возятся не понарошку, а всерьёз! И что вместо правил — только понятия.

Последние сомнения развеяли конкретные ребята, предложившие ему зажать яйца в верстаке и посмотреть, что с ним будет от такой игровой ситуации.

А неконкретные ребята намекнули на то, что те, кто не со всеми — те против всех. Все — это такая сила, которая противников укатывает в асфальт.

И ему пришлось делать вид, что он не относится ко всему этому безобразию как к игре, а очень серьёзно относится — как к НЕигре.

Ведь жизнь — очень ответственная эпидерсия, и прожить её нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Но, когда притворяешься, прежде всего видишь своё притворство, а через него, как через увеличительное стекло — всё это сумасшествие вокруг!

А привычка думать — блин, никак не уходит! Только обостряется!

И додумалось, что здесь не всё так просто, как в простой игре, в которой правила уже установлены и всем известны.

Тут есть другие умники, которые тоже понимают, что это игра.

Эти умники отличаются от него уверенностью в том, что

только они имеют право быть самыми умными, и видят в других умниках досадную помеху себе.

Они также уверены в том, что могут менять правила игры.

И к игре они относятся ещё серьёзнее, чем все прочие, не ощущающие игры.

И упаси тебя Бог, если будешь говорить, что всё — игра. Тебя засмеют, а когда от веселья отойдут — объявят умалишённым.

От умника до умалишённого в этой игре — только один публичный шаг.

Недаром все умалишённые считают себя умниками.

Они не виноваты. Им нечем увидеть, услышать и понять, что такие как они умники построили дурдом. И никого отсюда не выпустят, пока не вылечат. И с ума сошедших, и тех, кого с ума сошедшие считают таковыми.

Хотя... По идее, после пребывания в дурдоме, хоть какая и хоть какого качества жизнь должна показаться чудом с праздником. Умникам есть, к чему стремиться.

Единственное полезное воздействие большого города

*Большие города,
Пустые поезда,
Ни берега, ни дна,
Всё начинать сначала...*

В большом городе многое можно найти. Многое, но не всё.

Можно найти деньги, власть, знания. Не найти светлый чистый дух.

А потерять можно всё.

И можно самому — потеряться.

В большом городе улицы — в проводах. Провода висят из ушей его преданных жителей.

Здесь рай для взглядов. И — ад для мыслей. Между раем и адом — толкущийся телами предбанник с не имеющими мыслей, с не бросающими многозначительных взглядов.

Здесь рождаются великие чувства и благие помыслы. И здесь они умирают и разлагаются.

Все похоти и пороки здесь живут у себя дома. И наряжаются в красивые одежды.

В красивых одеждах не различишь подонков. Они выдают

себя наглостью, которая в городе — главное счастье.

Ночью в большом городе много огней. За этими огнями прячется тьма и тоска.

В большом городе на каждом шагу попадаются рынки, харчевни и забегаловки.

Здесь есть рынок духовности и рынок бездушия, харчевни бессмысленности и забегаловки для слабеньких душ. Забегая туда, слабые души делаются пустыми и вывернутыми наизнанку. Все остальные души становятся подавленными.

Дух здесь становится мятущимся, или превращается в игру слов. Здесь изошряются надувать духом и играющими словами разноцветные шарики и украшать ими открывающиеся лавки. И здесь много охотников душить мятущийся дух, есть любители протыкать надутые шарики.

Над большим городом всегда стоит придушенный стон. Здесь остаются не задушенными только скульптуры и чучела. Не проткнутыми — только каменные лбы и каменные сердца.

В городе души мельтешат, маячат, валяются или болтаются. Точно использованные полиэтиленовые пакеты, болтаются души, зацепившиеся за высокие дома, высокие ограды и за провода, и цинично разорванные. Валяются в квартирах, как использованные презервативы, души, ставшие гандонами. Маячат души в окнах и за окнами. Не мельтешат и не маячат только те, которые уже гниют в подвалах или сушатся на чердаках.

Большой город извергает из подворотен и дворов потоки похабных и грязных слов. Потоки шипят и пускают пузыри, выбрасывающие вонь. А пузырящиеся слова уже повторяют в дворцах роскоши и в дворцах культуры, это считается креативом. Теперь триндеть и пердеть во дворцах можно так же, как в парадных и в квартирах.

В большом городе одни заняты тем, что посылают друг друга, и не знают куда. Другие распаляют друг друга, и не знают зачем. Одни бряцают своей жестью, другие звенят своей медью.

От шума уши закладывает. И имеющие уши открытыми ничего не слышат.

А в тишине отмывают от крови бумагу, заменившую серебро и золото. Отмывают не водой — цифрами и словами.

В большом городе все хилы естественным восприятием и одержимы общественным мнением. Одни замерзают и ищут тепла в спиртном, другие разгорячены и ищут прохлады у отмороженных умов. Умы страдают неестественным восприятием.

Здесь все толкаются и трутся друг об друга, оставаясь в полном одиночестве. Всё время что-то говорят, а в себе вопиют, как в пустыне.

Здесь много докторов, потому что много немощных и больных. Немощных и больных не только телом. В деревне, даже в очень большой, не найдёшь психи-актера, а здесь они роятся, как мухи над говном.

Ещё здесь много охранников. Они охраняют деньги и владельцев денег от желающих денег. И никто никого не охраняет от денег.

В большом городе всё определяют деньги. Даже незама-
ранные трудовые деньги здесь переходят торгашам, и всё по-
том вращается вокруг денег торгашей: сначала грабят они,
потом их пасут и доят.

Торгаши, конечно плохие, но не от хорошей жизни. А ко-
му в большом городе жить хорошо? Лучше всего — ростов-
щикам. Они все — под надёжной крышей на столбах закона.
Их не доят, хотя и пасут. Доят они, а потом делятся.

Может хуже, а может и не хуже живётся жуликам. У них
опоры не такие прочные, но зато каждый ходит с личной
крышкой от своего унитаза! И мечтает также иметь и свой
рычаг для смыва.

Всё, что есть в большом городе светлого, сильного и доб-
рого — это маковки церквей, обращённые к небу, как соски.
Но через эти соски уже давно небеса не отсасывают дурную
тёмную энергию. Кресты не дают. Кресты охраняют небеса.
Что чернушного надурманили — сами перерабатывайте, не
марайте добро.

Здесь если кто что отсасывает — это не небеса. Это луч-
шие из лучших — ассенизаторы.

Все лавки и помостки под вывесками «искусство» и
«культура» захватили растравленные тщеславцы.

Властные лица здесь объявляют себя слугами. У кого они

в услужении? Есть декларация: у народа. А они — выходцы из народа и сам народ. То есть, должны служить сами себе! И служат себе — как себе!

При каждом властном дворе выются придурки, нищая братия лизоблюдов и всякая услужливая добродетель. Льстивые ублюдки плюются благочестием.

Прямые чистые улицы, большие монументальные дома, красивые парки и скверы. Кривые и грязные улицы, разваливающиеся дома, затоптанные парки и скверы. От величественного до убогого — пара шагов.

Вдохновлённые деловым ажиотажем молодые здоровые лица. Через пару шагов — растопыренные пальцы, выпяченные губы, свисающий живот и выдающееся сидалище. Язвительные глаза, ядовитые языки и липкие ладошки. Рядом — подавленные души, потухшие глаза.

За фасадами дворцов — скисшее, сгнившее, мрачное, слащавое, коварное наряжается в красивые одежды, под которыми не видно всего того, что нарывает.

Я любил большой город до соития с ним. Тогда передо мной были его изгибы и изошрённые формы. А познав его, стал ненавидеть. Теперь передо мной его содержание — холодные и скользкие внутренности. От любви до ненависти — вообще один шаг. Он называется — познание.

А от ненависти к любви — уже нужно пройти дорогу, которая лежит от познания к светлому чистому духу. Дорогу эту знает чистая совесть, которая здесь, в городе, вынуждена

прятаться — от слякотной грязи.

Почему не ушёл ты в лес? Почему не ушёл ты в поле, и не пашешь землю? Если ты предостерегаешь других, — почему же ты не предостерёг от большого города себя самого?

Чтобы иметь основание вдоволь мстить себе! Ибо месть себе — единственная отрада тщеславных идиотов!

Он разгадал меня. Я разгадал сам себя. И в этом — единственное полезное душе воздействие большого города.

Может, мальчика-то и не было?

«Да был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?»

из романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»

Я появился на этот свет. Как бы вышел из темноты. Кто я такой? Зачем и для чего я появился? Никто мне точно не скажет. Потому что сам не знает, а только что-то от кого-то слышал. Кто-то думал, кто-то сам что-то придумал. Получа-

ется, что вышел из одной темноты, а попал в другую.

— Минуточку, но на вопрос «Кто я такой?» отвечает наука, наша великая и непререкаемая наука!

Отвечает так. Ты — гомо сапиенс, продукт эволюции. Живой организм, возникший за многие миллионы лет в результате череды случайностей. На планете Земля случайно возникли все необходимые условия для жизни, а из атомов случайно образовалась молекула простейшего организма, стала жить и случайно разделилась, породив себе подобную. И пошло-поехало, то есть случилась эволюция. Эволюция — это уже закономерность, в которой выживает сумевший лучше приспособиться. То есть, случайно случилась закономерность.

Эти сумевшие приспособиться организмы сначала сами делились, потом вдруг решили разделить на «мальчиков и девочек», на М и Ж. Чтобы приятнее было размножаться.

Мало того, чтобы ещё лучше приспособиться, живая материя стала самоорганизовываться и самоорганизовалась до того, что приобрела сознание. И этим сознанием я сейчас осознаю и думаю.

Одно сознание приспособилось привлекать внимание другого сознания и научило организм издавать звуки, у гомо сапиенсов превратившиеся в речь, потом — в непечатное и печатное слово. И этим печатным словом я сейчас вам «выношу мозги».

Зачем и для чего все эти случайности такое сотворили —

вопрос бессмысленный, вопрос в никуда и никому, потому как случайность нельзя призвать к ответу по определению. Ну случилось — и случилось, ни зачем, ни для чего, а просто так, — взяло и случилось.

И не спорьте — это наука говорит! Она не только это говорит, но и доказывает. Используя то самое случайно самоорганизовавшееся, но закономерно развившееся сознание, наука проникает вглубь материи. Проникает вширь космоса. Всё глубже и шире. Терабайты информации, тысячи институтов и научных центров, миллиардные бюджеты. Придуманы и научно подтверждены самые разнообразные способы того, как отнять жизнь. А вот вдохнуть жизнь — не получается. Видимо, случайности не хватает.

И для чего тогда всё это? Чтобы знать. Чтобы использовать во имя человека, для блага человека. Наука должна служить человечеству — это всеми любимый слоган-кричалка.

Никто и не спорит — учёные, изо всех сил служа человечеству, знают всё больше и больше. А тем временем толпа якобы обслуживаемых ими гомо сапиенсов превращается в обычных гомиков. И все вместе мы, объединенные громким названием «цивилизация» маршируем к грани самоуничтожения.

И под такое стрёмное дело придумали прикольную теорию. Мол, человечество самосоздалось и самоорганизовалось для того, чтобы в определенный момент повернуть вспять процесс «большого взрыва» во Вселенной. Как гово-

рится в прибаутке, «а теперь пельмени раскатать, мясо — в исходное!». Хватит расширяться — сжимаемся! Материю — на молекулы, молекулы — на атомы, атомы — на частицы, частицы — в чёрную дыру или в топку. А ты, бывший «ником» и ставший таким важным «все́м», всё поняв и про всё узнав, сам решишь стать никем.

Кем конкретно этот определенный и критический момент возврата в ничто будет определён — такой вопрос не возникает, уж больно «забирает» такая душещипательная теория, тут уже не до вопросов. Текут слёзы умиления и гордости: сами себя породили — и сами себя «зачистим» и «сольём», следуя великому Космическому замыслу! «Да был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?».

Кто-то тут скажет:

— Это всего лишь теория, каких на сей день — несметное число.

И я тут же с ним соглашусь. Но... где же ответ на вопрос: зачем мы, для чего? В цели эволюции, — лучше других приспособиться к выживанию, — содержится только промежуточный ответ. Да и эволюция, похоже, завернула куда-то не туда, умножая риски, ограничивая возможности для выживания...

Стоп! Вот оно: «ограничивая возможности для выживания». Естественный отбор ужесточается, требования растут, а экология ухудшается. Быют по нервам и по мозгам всё чаще и всё сильнее. А чем чаще и сильнее человека быют, тем

быстрее он соображает. Кто-то «соображает на троих». А кто-то ищет ответ, за что бьют, кто бьёт и как такого нещадного бития избежать.

Возникает вопрос: это тоже случайность? Или, может быть, хватит случайностей? Если всё же в этом какая-то закономерность, чей-то хитрый или умный план? А может быть, хитроумный план?

Но если это закономерность, тогда значит, что есть причинно-следственная связь. И должна быть цель или чей-то замысел. И получается, что ужесточение требований, новые риски — это корректировка того самого процесса эволюции, завернувшего не туда. Не туда, куда планировалось.

А корректировка — это необходимый элемент управления. Нами кто-то или что-то управляет. Где сидит этот «менеджер»? Что за система руководства этим миром?

Наука много знает, но этот вопрос как-то совсем хиленько исследует. Почему-то. Почему — да потому: исследовав, она потеряет миллиардные бюджеты. Толпам учёных придется трудоустраиваться в реальном секторе.

Наука вопрос не исследует, но кто-то же исследует. Религии, духовные традиции, эзотерические и прочие учения говорят о Боге, Создателе, Высшем космическом разуме и т. п. Ещё слышим про руководящих нами рептилиях или иных, неизвестного облика инопланетянах. Все теории и учения, созданные людьми, объединяет древний как мир принцип: спрос рождает предложение.

Кто хочет утешиться — тот может утешиться. Кто хочет найти прибежище (в данном случае психологическое) — может его найти. Желającego сакрально возбудиться — возбуждают. Кто хочет мотивироваться — его мотивируют. Мотивируют самым ходовым и безоткатным методом — «кнута и пряника». Слушайся — и будет тебе пряник. Ослушался — извольте, — кнут. Самый крутой пряник — это рай, самый страшный кнут — геенна огненная.

Система коллективных обрядов и ритуалов помогает войти в коматозное состояние, в котором живётся относительно легко и счастливо. Но «система менеджмента» и твоя «должностная инструкция» в этой системе не раскрываются, а пребывают в тумане. Какая-то сверхразумная сущность всем руководит? Или нами управляет, загоняет в русло некий супер-процесс типа «мировых течений» или «реликтового излучения»? Какому непосредственному «менеджеру» и какой процедуре можно доверять?

В тебя вещают все, кому не лень. Бывает, в тебя сеют и даже тебя окучивают. Какой вырастет плод — это уже твоя проблема, жри сам. Тебе могут дать только то, что ты сам сможешь взять, ни больше, ни меньше. Если взял и несёшь, тебе раскроется только то, что ты взял. Если не взял — увещевания ничего тебе не объяснят и не раскроют, а только скроют твои упущения и заблуждения.

— Ты злословишь, лиходей, а как же любовь, которая от Бога?! — возмутится религиозный человек.

Он по-своему прав, но не лишне ему подумать о том, у кого и какие имеются свойства. Свойства высшего, духовного мира, подобно свойствам света, — это отдача. И божественная любовь — это отдача без возврата и упрёка. Это начало, Абсолют. Свойства материального мира — получение, удовлетворение потребностей, а человеческая любовь — это чаще страсть к удовлетворению. Или, в лучшем случае, отдача своих сил для получения того же удовлетворения собой.

Таким образом, наши свойства диаметрально различны свойствам Высшего начала. И добро для нас — это когда нам даётся то, чего нам хочется. А если не даётся или что-то забирается, — мы вопим, что это зло.

Спускаясь в наш мир, высшее свойство отдачи может в ком-то проявляться как милосердие, сострадание, самопожертвование. Но является ли это результатом приверженности той или иной религии? Увы, далеко не всегда является по факту. А по принципу — думаю, что это зависит только от устремления, от настроенности на Высшее.

Религии ещё говорят о существовании «нечистой силы», профессиональных «менеджеров» зла, задача которых — вести людей к гибели. Они используют иного рода качества — ненависть, гордыню, жадность. Стремление получить только для себя. Сначала получить для того, чтобы выжить, — это в нашем понимании эволюция. Потом — для того, чтобы получить власть над другими. Забрать себе как можно больше.

В таком представлении добра и зла человек — это кукла, немощная или ущербная, подверженная порче, перебрасываемая из одной системы управления «силы добра» в другую — «силы зла». Это как-то не вяжется с совершенством и вездесущностью Бога-Создателя. Кураж есть, а великого и безупречного замысла нет. Полная неопределённость того, куда и кто тебя потащит. Не убежать от своего «тела греха», а «в гости к Богу» без победы над этим грешным телом не пускают.

Имея одни свойства, нельзя раскрыть, понять и усвоить противоположные свойства. По всемирному закону подобия — различия свойств. И мы не понимаем. Не понимая, бросаемся в иллюзии, начинаем строить иллюзии, живём иллюзиями. Непреодолимо тянет компенсировать внутреннюю пустоту, неуверенность, беспокойство.

Было бы ещё ничего, если бы иллюзии были безобидными. Выращиваем их с намерением, чтобы были всё обиднее, чтобы доказывали превосходство одних, опуская других.

Неужели всё так плохо? Антивирусник, похоже, сдался или проданся, компьютер завис, его перезагрузить не получается. Можно только выключить и сменить операционную систему. Остаётся, правда, один шанс: восстановить систему. Но это только шанс, которым нужно ещё суметь воспользоваться. Определиться с точкой восстановления. Чтобы определиться, нужно договориться. Чтобы договориться, нужно объединиться, хотя бы принять декларацию о намерениях.

Большие сомнения в том, что получится.

А значит, всё очень плохо. И какой смысл тогда париться над вопросами кто я, откуда и зачем я здесь? — Эй, автор, ты «замутил» тему за здравие, а привёл читателя к тосту «за упокой». Раз поставил вопросы, устроил базар — давай, предъявляй ответ! — А я уже намекнул, а по сути, ответил тем, кто уже знает ответ. Ответа на эти вопросы в этом мире, нами построенном на собственных иллюзиях, не имеет. Настолько сильно мы убедили себя в правильности своих иллюзий, что не можем увидеть реальности. Не можем осознать, что наши свойства противны свойствам того мира, в котором содержатся и ответы, и причины. А мы — только следствие, которое не влияет на причину, а может ей только следовать.

P.S. Леди & мужики, я ничего не утверждаю. Я только пытаюсь капать на мозги, чтобы думалось. Думайте сами, решайте сами, что терять и что иметь. А думая и решая, развивайтесь.

Уследить неуследимое и не наследить

Я вижу, как люди выходят из изваяний, вдруг изменившихся, оживших и направивших взоры на самих себя.

Это — кающиеся духом. Каясь, они светлеют и, начиная с себя, начинают сбрасывать засохший птичий помёт, склеивать и сшивать обломки разбитых душ.

И ещё остаются изваяний людей. Эти изваяния расколоты на части. Они — как изваяния прошлого. Того прошлого, которое представляю. А если это изваяния будущего?! Того будущего, которое ощущаю, как будто вижу? В этом — загадка.

И меня будоражит благое пожелание: собирать и соединять воедино всё, что является обломками, загадками и как бы неслучайными случайностями.

А ещё бы — стать отгадчиком и избавителем ближних своих от случайностей! И от раскола, превращения в изваяния будущего! Спасти, преобразовать всякое «было» и «будет» в «так хочу я», — и это было бы освобождением, и избавлением от тревоги и беспокойства!

Но моя воля, которую хочу видеть как освободительницу и вестницу разума, — она не поможет. Она сама — пленница. «Хочу — буду» освобождает, но потом заковывает в ещё

более прочные цепи!

«Было» — так уже называется скрежет зубовный и сокровенное страдание воли. Бессильное против того, что уже сделано, оно — всего лишь свидетель прошлого. «Было» есть обломок, ужасная случайность.

Воля не может обратно хотеть. В том, что она не может победить время и остановить движение времени, — в этом отчаянное горе воли.

Чего только ни придумывает сама воля, чтобы освободиться от своих оков и от своего горя! Каждый пленник в неволе становится безумцем в желании освобождения. Часто безумством освобождает себя и пленённая воля.

От своего горя, от гнева и досады она разбрасывает камни. Так она мстит всем, кто вместе с ней не чувствует горя, гнева и досады.

Только камень «было» она не может швырнуть. А камень «будет» ещё где-то лежит в ожидании. Слава Богу, если его не будет под её безумной рукой.

И так воля, желанная освободительница, неожиданно становится моим тюремщиком и истязателем, причиняющим страдание. И на всё, что может заставить страдать, она изрыгает гнев и досаду.

Так тупая глупость, и даже безумие поселяется в воле, и это стало проклятием всем человекам. Проклятием, потому что эта тупоглупость научилась мщению.

Это мщение — отвращение воли ко времени и к его «бы-

лю». И отвращение воли то ли ко времени, то ли к безвременью, с названием «будет».

Мщение было всегда не самой лучшей, но самой первой мыслью людей. Где было их страдание — там всегда должно было быть мщение.

Потом они придумали мщение с помощью лживого слова. Чтобы мстить, такое мщение притворяется совестью — и само себя объявляет наказанием.

В самом хотящем есть страдание того, что не может он обратно хотеть. И потому и сама воля, и вся жизнь должны становиться, и становятся — наказанием! Это ли не тупая глупость, а то и — безумие?

Тупая глупость начинает душить дух:

— Всё переходит, и это прейдёт! Всё должно пройти! Вы этого достойны! Всё распределено по праву и наказанию! И самой справедливостью является закон времени: оно пожирает своих детей!

А безумие уже повсюду проповедует:

— Может ли существовать избавление, если существует вечное право и наказание? Ведь недостижим и потому недвижим камень «было». Никакое деяние не могло бы быть не сделанным через наказание! И потому не может быть уничтожено! В этом — вечное в наказании «существованием»: существование вечно должно быть деянием — и снова виной! Вечными должны быть наказания!

Пока воля наконец не избавится от себя самой, и не станет

— отрицанием воли!

Когда это случится? Кто научит её примирению со временем и научит высшему? Никто. Только дух. Но где он? Он гуляет, где хочет.

Примирению разве можно научить? И как удостовериться в том, что воля уже отреклась от своего собственного безумия? Забыла ли она дух мщения и всякий скрежет зубовой?

Более высшего, чем всякое примирение, должна захотеть воля. Но как это может случиться с ней? Кто научит её хотеть обратно? Никто. Только кающийся дух. Но он не мстит, не отвращает, не наказывает, не оставляет свой след. Он не следит, потому что не следует.

Он только приходит, видит, показывает. Для него уже нет камней, которые тяжелят, — ни «было», ни «будет». Для него уже всё есть!

Мыслимо ли всё, что разобьётся?!

Стремление познать истину — оно движет нами и возбуждает. Всё сущее мы хотим сперва сделать мыслимым.

Зачем? Чтобы потом сделать контролируемым. Чтобы им, сущим, управлять.

Так нам хочется. Но кто-то сомневается, что сможем.

Ежели в тебе есть доброе недоверие, то ты по-простому засомневаешься в этом.

У кого-то бывает хитрое недоверие, у кого-то злое. О том, какое оно, чьё-то недоверие, можно угадать по словам имеющего недоверие.

Но каждый, даже сомневающийся, хочет, чтобы сущее было ему подвластным. А для этого он выстраивает, равняет и обрезает своё сомнение так, чтобы оно подчинялось и покорялось! Чтобы было, как своё зеркало и его отражение в нём.

А кто — он? А он — это «он для других» и «он для себя». Кто это разделение в себе осознаёт и им управляет, тот считается нормальным. Кто не всегда осознаёт и не всегда контролирует разницу, уже считается шизиком.

А потом, после обрезания и об-равнения, человек уже не смотрит, у кого какие сомнения. Он смотрит, у кого какие утверждения истины. Смотреть-то смотрит, а истинным всё равно считает своё утверждение.

Или, если с мыслительным механизмом неважно, берёт

истину у всеми признанного мудреца.

В этом вся наша воля, — любого, от идиота до мудрейшего. Даже когда говорят об оценках ценностей, и о добре, и о зле.

Вот мы всё хотим создать мир, который бы всех устраивал и никого не пережёвывал — такова наша умнейшая надежда о добре. И все свои ценности мы обряжаем в пышные одежды, а их хотя бы надо сперва — почистить, отмыть и причесать.

Регулярно свою волю и свои ценности мы спускали в унитаз, а старая воля к власти над нами брезжит в том радужном тумане, в многозначительность и незыблемость которого верит цивилизация идиотов. Верит, как в добро и зло!

Если проследить всё живое, исследовать его общее свойство, то везде слышится речь о послушании. Всё живое есть нечто повинующееся. Таково свойство всего живого. При этом больше всего повелевают тому, кто не может повиноваться самому себе.

Однако, повелевать труднее, чем повиноваться. И не потому только, что повелевающий берёт бремя всех повинующихся, и это бремя может раздавить его. Он должен тогда стать и судьёй, и обвиняемым, и жертвой, — в итоге, сам должен стать абсолютно повинующимся.

Но что побуждает человека повиноваться и повелевать и, повелевая, становиться ещё более повинующимся?

Везде в человеке находим вместе с готовностью послуша-

ния — желание к власти. Чтобы сильнейшему служил слабый — к этому побуждает его желание, которое хочет помыкать слабым, — лишь без этой радости не может человек обойтись. Даже в воле раба можно найти волю быть господином над другим рабом.

И как меньший отдаёт себя бо'льшему, чтобы тот радовался и власть имел над меньшим, — так же приносит себя в жертву и бо'льший, и из-за власти ставит на рулетку свою жизнь.

И жертва бо'льшего в том, чтобы было в нём дерзновение, и опасность, и игра — игра со смертью. Жертва и риск.

Жизнь — это когда преодолеваешь сам себя. Перестаёшь преодолевать — перестаёшь жить. Конечно, можно назвать это волей или стремлением к цели творения, к высшему, более сложному, — но всё это вытворяет некая сила, заставляющая идти против своей природы и страха.

Жизнь жертвует собою — из-за власти! Но прежде, чем жертвовать собой, жертвует любой другой жизнью. Воля к власти не ходит по следам воли к справедливости и истине, она гуляет там, где есть слабый!

Не найдёт истины тот, кто использует слова о «воле к существованию»: такой воли не существует! Ибо то, чего нет, не может хотеть, а то, что существует, как могло бы оно ещё хотеть существования, если уже существует?!

Это всего лишь трусость пожертвовать собой.

Только там, где есть жизнь, есть и воля; но это не воля к

жизни, это — воля к власти! Многое ценится выше, чем сама жизнь, но и в самой оценке звучит воля к власти.

Добро и зло должны из себя всё снова и снова преодолевать самих себя. Без этого ни добро, ни зло не существуют. Друг без друга их нет.

А при помощи своих суждений о добре и зле ценители ценностей совершают изнасилования — мозгов. Но ещё большее насилие растёт из их ценностей.

Когда разбивается всё яйцо, то сначала — его скорлупа. И когда яйцо об яйцо — чаще разбиваются оба.

И кто хочет узнать истину в расстановке добра и зла, тот сперва должен разбить скорлупу своих ценностей. Разобьёт — разобьётся всё, что может разбиться!

Наши истины происходят из нашего осмысления всего сущего. Да хотя бы мыслимо ли оно, всё сущее?!

Один очень умный человек сказал: не мыслимо. И ещё кто-то то ли так же сказал, то ли то же повторил, и тоже был причислен к умным.

А мы, не очень умные, — что? Ничто? А мы — как?! Ничего? Не мыслим, что творим, но — творим? Да если бы творим, ведь только вытворяем! А потом к этому пришиваем мыслимость, как рукав к одному месту.

Стихи, картины и голограммы души

Сознание — сложная конструкция, куча разноплановых компонентов: эмоции, логика, зрительные и слуховые образы, тактильные, вестибулярные, вкусовые, обонятельные сигналы, словесные и мыслительные конструкций и ещё многое.

Как оно работает с точки зрения физиологии, я рассматривать не берусь, — «не копенгаген».

Думается, что важнее понять и ощутить сознание изнутри, субъективно. Почему так думается — да хотя бы потому, что все древние мудрецы из древних традиций твердили, что это — единственный способ понять собственное сознание.

Все внешние сигналы и ощущения так бы и оставались бессмысленным набором ощущений и образов, если бы все эти разрозненные компоненты сознания не имели свойства фокусироваться в некоем центре, который нами самими определяется как «я». Именно там, в центре субъективного «я», все сигналы интегрируются, получая смысл и значение.

Возьмём любую содержательную стихотворную строку, к примеру от Лермонтова: «Горные вершины спят во тьме ночной». Разложим её на отдельные слова: «горные», «вершины», «спят», «тьме», «ночной». Каждое из слов имеет

значение. Если анализировать их с позиции логики, получается бессмыслица: горы не спят! Но, будучи соединёнными в стихотворную строку, слова приобретают другой смысл и значение. Строка несёт в себе не только словесную информацию, и не только содержание, лежащее за пределами слов. Она рождает эмоциональный настрой, явно видится конкретный зрительный образ, картинка. У читающего возникает определённое состояние, какие-то чувства, переживания, ассоциации, даже воспоминания. Но это же никак не вытекает из содержания отдельных слов, из которых сложена строка!

«Механизм» действия стихов можно представить так: при восприятии строк сознание проникает в центр субъективной сущности и, как бы передвигаясь по матрице души, получает определённые значения. Которые, заметьте, индивидуальны для каждого человека. Ведь даже образы, вызываемые одной и той же строфой о горных вершинах, у каждого будут различными. У одних будут горы синие или фиолетовые, как на картинах Рериха, у кого-то высокие и скалистые, у других — пологие и поросшие лесом.

Именно душа и создаёт индивидуальное для каждого действие разрозненных слов, придавая им свой смысл и значение. Душа синтезирует из отдельно взятых слов лично значимый смысл. Душа «работает» на языке переживания.

Можно так представить, что душа наполняет жизнью отдельные разрозненные слова. Точно так же душа должна

оживить и одушевить всё сознание, придав смысл разрозненным образам, сигналам и ощущениям, содержащимся в нём.

Возвращаясь к стихам: не секрет, что многие абсолютно глухи к поэзии. Почему? А потому, что душа и сознание у них существуют порознь и под воздействием стихотворных строчек не соединяются. Для таких людей даже самые гениальные стихи остаются набором слов, который им ни о чём не говорит.

И у людей, понимающих поэзию, сознание окунается в матрицу души лишь на короткое время — на то время, когда они читают стихи и находятся под их впечатлением. Потом «счастливый союз» души и сознания снова нарушается, а человек продолжает своё обыденное полусонное существование.

Совершенно идентичные примеры можно почерпнуть в сферах музыки, живописи и практически любого творчества.

Если сделать процесс соединения души и сознания осознанным и желанным, а ещё того лучше — постоянным, восприятие жизни может стать иным, более радостным, вдохновляющим и осмысленным, как восприятие высокого искусства. Даже когда встречается в жизни проза, бывающая омерзительной или страшной, восприятие останется, по крайней мере, адекватным, потому что будет осознанность — это душа связана с работой сознания.

Образ, что душа — это матрица, достаточно простой. А

теперь нужно представить более конкретный (не утверждаю, что самый точный и удачный) образ: эта матрица является голографическим изображением. Она отражает и записывает на себе все многочисленные состояния, присущие сознанию. При этом она ещё упорядочивает эти состояния. Очищает от наносного, навязанного. Очищает через духовные переживания. Духовные переживания связывают её с «мировой душой», с единым энергоинформационным полем или с Богом, — как кому нравится.

Душа отдельного человека — это часть мировой души, и она живёт в соответствии с законами мировой души. Именно душа позволяет почувствовать упорядоченность, гармонию и одушевлённость окружающего мира, понять высшие законы мироустройства.

Голограммы души — это не то, что называют памятью, поскольку душа сама по себе памятью не обладает. Это лишь считывание «отпечатков», фиксация образов. А вот интерпретация увиденных образов зависит от свойств самого человека.

На свойстве души улавливать образы основан феномен творчества. Творческий человек берёт образы извне — из прошлого, настоящего, будущего, из самой мировой души. И чем более чутко он воспринимает, синтезирует и осмысляет эти образы, тем более гениальным творцом становится.

У большинства людей сознание обращается к душе не так уж часто, наверное поэтому гениев мало. У обычного че-

ловека в сознании преобладает логика. В мышлении — линейность. Душа при этом неизбежно отодвигается в сторону. Душа синтезирует образы и ощущения, придает им целостность, смысл и значение, в чём, собственно, и состоит процесс восприятия художественных произведений, и иного творчества как такового. Логика, наоборот, всё расчленяет, разбивает на части и разъединяет, а с соединением получается не всегда и не лучшим образом.

Функция логического ума — расщеплять и анализировать. Функция души — соединять и синтезировать. И вот что важно: **человек ощущает себя счастливым только в процессе соединения и синтеза**. А не разделения и разобщения! Это не означает, конечно, что анализировать вообще ничего не нужно. Иногда анализ просто необходим — но любой анализ имеет смысл лишь как ступень к последующему синтезу, а не как самоцель.

Однако, оказавшись полностью во власти логики, большинство людей так и не приходят к счастью синтеза, соединения, — а значит и к счастью творческого созидания. В итоге им всё время кажется, что мир вокруг рушится, распадается на части, а сами они теряют почву под ногами. Это не удивительно — ведь их душа не может ощутить действие мировой души, не может увидеть целостность, единство, гармонию и красоту мира вокруг себя.

Истины нет. И не будет. Пора обедать

— Ну, и что ты хочешь нам тут снова поведать? Или снова навеять? Очередную тоску?

— А что, уже надоел?

— Я этого не говорил...

— Не говорил, но подумал. А хочу я поведать как всегда — нелицеприятное...

— Так я и знал!!! И что же на этот раз приключилось? Или — отключилось?!

— Не приключилОсь, а приключилАсь. Очередная сенсация, правда, пока никем, кроме меня, не отмеченная. Ещё не представленная на Нобелевку или на Лубянку. А отключилось не что иное, как осознание ограниченности своего сознания ещё у одного искателя ИСТИНЫ. Потому что он ИСТИНУ НАШЁЛ!

— О Боже! И кто он — владеющий истиной? Пора уже бежать — к нему, за истиной?

— А ты сначала послушай, а потом вместе решим — куда и за чем бежать. Мы не будем вникать в детали, кто, и с какого бодуна вдруг овладел истиной. Сосредоточимся на главном — что есть истина и есть ли она. Кто и куда её несёт, если она есть.

— А что, есть сомнения, что где-то истина есть?

— Сомнения есть, и их у нас много есть, потому что нам её, истину нечем есть. Такой вот чудненький каламбурчик. И вот ещё один: большинство несущих нам истину несут истинную чушь.

— Ага! Человечество провело в поисках истины последние пять тысяч лет. Сколько жизней было положено на алтарь истины — ужасно даже подумать. Вообще-то говорят, что истина была у тех, кого распяли, сожгли, забили, заморили, а потом объявили божественными? А куда она делась? И сколько времени мы тут будем сосредотачиваться на главном? У меня скоро обед по расписанию...

— От этого столба и до обеда мы успеем — если не будем заколачивать новые столбы. Наш исходный столб — некая истина как идеальная конструкция, всё объясняющая, её ещё обзывают абсолютной. Кто-то говорит, что видит этот столб. А я этого столба не вижу. Вот скажи: абсолютное может коснуться человека? Как упавший столб, например?

— А можно без философических категорий? Я сегодня не выспался. И уже жрать хочу.

— Легко. Корни слова прослеживаются только в иврите: ИСТИНА = ИСТ + ИНА = ЙЕШУТ (сущность, бытие) + АНА (отвечать, давать ответ, свидетельствовать). Объяснение термина выведено древними философами: ИСТИНА — то, что отвечает СУЩНОСТИ предмета или явления, их бытию в природе.

— Ну и?!

— Спокойно! Без паники! Абсолютной и абстрактной формы в нашем мире нет и быть не может. Если есть что-то, так называемое «истинное», то оно истинно в определённое время в определённом месте.

Вот таблица умножения: конкретная и непререкаемая вещь. Это что — истина? Осмелюсь утверждать, что нет. Это люди так договорились для ускоренного определения значений числовых выражений. Но вот что получится, если умножить две морковки на двух агрономов? Две морковки и два агронома, при условии, что агрономы, в отличие от тебя, уже пообедали и не сожрут две морковки.

Если какое-то объяснение, то бишь интеллектуальная конструкция, кем-то воспринимается с глубоким удовлетворением, то имеем положительное переживание и получаем СУБЪЕКТИВНУЮ ИСТИНУ. То есть, истина как таковая есть субъективное переживание. Вот и получается, что каждый может субъективно пережить какую-то свою истину, причём любую. А все остальные истины — они результат договорённости между большими или разными группами людей.

И уже давным-давно разумные головы поняли, что нет никакой истины. То есть речь начинает идти уже не о самой истине, а о ДЕЙСТВИЯХ С ТЕМ, ЧТО КЕМ-ТО ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ КАК ИСТИНА.

— Во как! Начинается манипуляция?

— Вот именно. Это любимейшее занятие «разумных голов». Кто это? В любом случае — не мы. Мы на своём уровне ниже плинтуса просто можем сообразить, что способны пережить любую истину. И можем поменять своё отношение к чему-либо.

Однако управляющие стадом стадоводы меньше всего заинтересованы в свободе выбора отдельных овец. Чтобы управлять, им нужны **УПРАВЛЯЮЩИЕ ИСТИНЫ**. Для создания такой истины нужно закрепить отношение быдла к чему-то, а через отношение жёстко закрепить восприятие неких фактов. А потом только осталось говорить: это — факт!

Это может быть истина «во благо», а может быть и в иное «благо». Кто теперь отличит во чьё благо, если это объявлено истиной?

Если кто-то горячий будет утверждать, что это не истина — а пускай. Даже может провозгласить другую истину. Но быдло его просто не будет слушать, потому что не может и не захочет. Оно «закреплено».

— Ты намекаешь на то, что упомянутые, но не названные «прозаРУкие» мыслители льют воду на мельницу «мирового правительства»?

— Отнюдь, — я далёк от такой мысли. Большинство «прозаРУких» — люди искренние и достойные уважения. У самого когда-то возникали идеи-фикс и желание одарить ими заблуждающееся человечество.

По большому счёту, «прозаРУкий» философ никому не мешает. Сознательно или подсознательно он озабочен своим утверждением или выражением в чём-то, или самореализацией и самовыражением. Он свою истину не держит при себе, а пытается использовать для чего-то, или внедрить её в сознание других с благородным стремлением их наставить на путь истинный. Его «прёт» и он начинает чувствовать лёгкое презрение к живущим без познания истины.

А те, другие — не наставляются, уже «закреплены»! Трагедия. Бывает, что которые при этом сами теряют адекватность. Объявляют себя посланниками, просветлёнными, слушателями голосов. Так что они скорее жертвы, чем коварные искусители. У их спасительных теорий нет практики, а значит, нет никакого воздействия на других.

Если кто из них отрезвеет, то похмельному взгляду станет видно, что судороги новых концепций никому, и ему в том числе, не нужны. Лучше честно признаться самому себе в том, что есть вещи, не предназначенные для понимания. Когда такое признание состоится, вбитую в голову программу «главное — понимать» человек с великим облегчением меняет на «главное — ощущать», что для многих — одно и то же.

— Но почему всё-таки довольно умные люди всё намекают на некие истины?

— Вот именно! В самую точку — намекают! Намёки на истину есть, причём иногда они кажутся вполне реальными!

Возьму на себя смелость обозначить главные намёки. Первый — намёк на то, что истины нет.

— Минуточку! Но если есть намёки, то где-то есть и то, на что намекают?

— Не обязательно. Те намёки, которые кажутся вполне реальными, — это намёки на следующие намёки. Из этого выводим следующий определяющий намёк: истины нет, а есть ИГРА В ИСТИНУ.

— Нет, а как же эти... Великие Учителя человечества... Основатели религий, всякие там пророки...

— Ага, пророки. И что пророки вопили? Вы все — говно, все грешники, все недоумки! А дальше: покайтесь и соблюдайте Закон. Чей-то, Самый Правильный Закон. Одни соблюдали, другие нет, а как жили — так и жили, и все умерли. И что людям с того?

Основателями религий становились вовсе не те, кто принёс непреходящие учения, а другие люди, в лучшем случае — последователи. При этом сами учения подверглись толкованиям, «чтобы всем стали понятны». Так стряпали управляющие истины.

Появлялись религии, а что менялось? Сущность человека осталась такой же. Просто убивать стали не по простой злобе или жАдобе, а ещё и по идейным соображениям, следуя новым управляющим истинам.

— Так ты не признаёшь величайшие учения и религии?

— Какой смысл не признавать того, что уже есть? И надо

признать и действующие управляющие истины. Потому что всё это — элементы игры.

Если ты знаешь правила и играешь по правилам, то, за редкими исключениями, в отношении тебя они действуют. Нет — будь готов к игре без правил.

— И что, величайшие из сынов человеческих не поняли, а ты понял?

— Величайшие всё поняли, только им не дали всё рассказать. Что не надо — умолчали, подштриховали, переиначили. Вот Иисусом была выстроена «цепочка» намёков на истину, но Его быстренько перетолковали и огласили управляющие истины.

И совсем неспроста... Вся беда в том, что без истин нельзя управлять. Если нет истин — к чему стремиться, чего искать? Не будет верующих в истины, а только верующих легко использовать для великих свершений.

Если нет истины, её надо придумать. Это основа основного раздела теории управления.

А вот, к примеру, Эйнштейна — уже совсем забыли. Не стало его учение толчком к основанию новой религии — религии относительности. Хотя и он всё понял и ушёл не понятым. Мы говорим: всё относительно — а понимать сего не хотим!

А понять легко. Но для этого надо **ОТКАЗАТЬСЯ ОТ УПРАВЛЕНИЯ ИСТИНОЙ**. Управления истиной нет. Есть **ИГРА** с использованием управляющих истин.

Во всех великих учениях и религиях есть и следующий намёк на истину: всё уже есть. И было, и будет, только смотря относительно чего. И какие-то истины здесь ни при чём.

— Но если всё есть игра, то почему живём как-то... Не играючи?

— Почему не играючи? Очень даже играючи! Вот только опутывающие нас управляющие истины не дают этого ощущать.

— А если всё раскроется, что будет?

— Начнётся следующая игра...

А когда конец игры? Постой-постой, я, кажется, предскажу ответ: конец — он у тебя, а конца игры не будет...

— А что будет?

— А будет переход на следующий уровень! Однако, это похоже на истину...

— Нет, намёк. Только намёк...

— И ещё один намёк: пора обедать.

Истины нет. И не будет. После обеда

— Хочется спросить... Ты после обеда как — сильно расслабляешься?

— Расслабляюсь слабо. Сильно усиливаюсь. Смачно смакую. Всё в одну сторону. В раздрай бесполезно для организма. Но полезно для ума. А ум мне подсказывает, что тебе охота побазарить.

— Да, тут я расслабился. Забыл, что имею дело с хвилософом. Но меня мучительно мучает мучительный вопрос. Как добропорядочного христианина-мученика. Могу я его задать для понимания, что полезно для ума?

— Для ума, подключенного к разуму и к Касперскому, всё полезно, даже абсурд. О чём же мучается послеобеденный вопрос?

— После обеда испытывает мучения не только желудок... Душа просит истины...

— Это не душа просит. Душа ничего не просит. Она может ощущать — тоску по своей незаполненности.

— Ну тогда скажу так: сомнения мучают и побуждают задавать вопросы. Вот христиане считают Христа Сыном Божьим. Это истинно для христиан. Но для всех прочих... Одни говорят, что Иисус был учитель и пророк, другие заявля-

ют, что всё это — еврейские басни, не был Он никем. А по-
твоему — как?

— Всё так и есть. Для Христиан — Сын Божий. Для хри-
стиан, которые верят — это истинно, они пережили это как
истину, это их субъективное переживание. В Евангелии на-
писано, как такое переживание постигло Петра, самого пря-
модушного ученика Иисуса, в последующем — святого апо-
стола.

Но истина ли это? Нет, — намёк. Хотя бы потому, что
Христос — ещё и Сын Человеческий. И сын своей матери,
которая через Него стала Матерью Человеческой и Божьей
Матерью. Вера суть всего искомого, но не доказательство.

А для прочих, которые только вид делают, что верят, и
которые честно не верят, Иисус — не объект переживаний,
а только образ.

— Но Сам Иисус сказал: «Узнаете истину, а истина сде-
лает вас свободными». А потом сказал: «Я есть истина и
жизнь».

— А что это за истина, Он раскрыл? Нет, Он оставил толь-
ко намёки. Вот, например, сказал: «Оставьте всё и следуй-
те за мной». Что, в прямом смысле — бросай всё и тусуйся
только с нами? Отнюдь. Кто воспринимает слова Писаний
буквально, тот не постигает суть. Христос сам доказывал,
что нет ничего линейного и прямолинейного, и всегда гово-
рил иносказательно. Оставляя место толкованию. Для чего?

— Ну-у-у...

— Для приглашения к игре! «Я есть истина и жизнь»: истина — переживание, жизнь — это игра. Переживание определённой игры — это определённое состояние. Из состояния в состояние — к высшему состоянию. Для нас высшее состояние — «взрослая игра». Переход из полной безответственности к полной ответственности.

Мы почему-то считаем игру детским занятием. Хотя есть игры, в которые играем на полном серьёзе, до смертоубийства. Их язык не повернётся назвать детскими. Но разве мы — не дети? Если к взрослой игре мы ещё не готовы — значит, дети.

— Ты меня как-то путаешь... Христа-то Самого не по-детски распяли на кресте! Ничего себе — игры!

— Его распятие на кресте? Что это, если не грандиозная комбинация и постановка! Не какой-то там спектакль — захватывающая воображение МИСТЕРИЯ! Он же сам недвусмысленно говорил, что на эту мистерию прибыл в этот мир.

Нужны ещё доказательства?

— Но это же только твоё мнение...

— А я не говорю, что это истина. Я говорю наоборот — что истин нет, есть только игра, и в том числе — игра в истины!

Иисус Христос как будто рельсы проложил и указал точный адрес, куда, к кому ехать в организованный Им «Лас-Вегас». А этот адрес убрали, оставили только указание, где примерно находится зал ожидания вокзала.

А на чём туда ехать? Он говорил просто: на своих чувствах и на вере в машиниста паровоза! Потому что и машинист, и паровоз — это Он!

И ещё Он говорил: «Будьте как дети». Дети осваивают мир только в игре. Что Он делал при жизни? Учил игре. Он оказывает помощь в игре, Он намекает: я объясню, как и где играть. Во мне вы повзрослеете!

— Игра, игра... А что за игра?

— А ты же говоришь, что христианин? Мученик, как и все, за свои грехи?

— Да, говорю. И считаю... Так. Точнее — верю.

— Ну вот и замечательно! Обратись к Христу — Он научит. Он — в игре! Игра продолжается. И будет продолжаться — с подуровня на подуровень, с уровня на уровень. Сколько уровней и подуровней? Точно никто не скажет. Потому что следующий уровень никогда не виден, он появляется только из предыдущего. Предыдущий его выталкивает в следующий.

— Но если наша жизнь — игра, то получается, что и война — тоже игра? Игра между жизнью и смертью?

— Конечно. Страшная для нас игра. То, что это игра, и то, какая это игра, могут понять только те, кто участвует в войне. Идут мужики в добровольцы, идут в наёмники. За деньги? Никаких денег не захочешь, а они идут. Обывателю этого не понять. Конечно, и не успевают это понять и убиенные невинные мирные жители.

— Вот у меня и в голову не могло такое прийти...

— Не могло! Если бы могло — пришло бы. В голову что лезет?

— Наверное, мысли...

— Точно, мысли. Они приходят и уходят. Я могу отследить, как они входят, влазят, а не выплывают изнутри меня, «из мозга» Не запишешь — легко забываются. Откуда приходят? Интересно конечно, но это уже другой дискуссионный вопрос.

Это тоже — игра. Как на меня подействует такая вот мысль? А вот такая? Какого желаня спусковой механизм заденет вот эта?

Если не играешь — и не живёшь. А раз живёшь — без мыслей не можешь. Отгородиться от них не можешь. Можешь дать команду — не думать, а мысли лезут, требуют обдумывания.

— А почему тогда говорят: «мыслители»? Не потому ли, что они мыслят?

— Ты сам подумай — и ответишь. Они умеют оперировать мыслями. Для этого мало их анализировать, сортировать, фильтровать, интегрировать или дифференцировать. Тут не обойтись без создания образа, без «оживления» этого образа.

И не только великие мыслители и духовные практики, но и великие художники, художники как образа, так и слова, процессы в мироздании поняли. Но сначала почувствовали,

ощутили, пережили, — получили переживание и «оживили» образ.

Сейчас читаю Шукшина, он в ранних произведениях — чувствовал, в поздних — уже знал.

— Дашь почитать?

— Дам. Однако, почитать маловато будет, мелкогато. Это — по поверхности. Вглубь надо. Да ещё грузики привязать, чтобы ещё глубже, до дна.

Не можем любить, но только этого хотим...

— Ни одной мысли о себе. Все мысли приходят, меня нет. Мысли приходят ко всем. Всё, что вокруг, видят все...

Такая подготовка к, скажем — медитации, занимает много минут. Чаще ничего не происходит. Но изредка...

И вот я вижу светлый, светящийся туман. Оттуда слышится мягкая музыка, мягкие и спокойные голоса.

Я останавливаюсь. И ещё не успеваю остановиться, как слышу голос. Вроде бы — свой голос.

— Иди!

Куда идти? Там же ничего не видно! Хочу посмотреть, что сзади.

— Не оборачивайся! Иди!

Ядвигаюсь вперёд и сразу начинаю не видеть, а понимать: там, впереди какой-то город. Не современный, не шумный и не суетливый, без автомобилей.

Появляется мысль: вечный город. Что за город, почему он вечный — эти вопросы возникнут уже потом.

А за спиной — какой-то стон. Тоже — вечный стон?!

— Не оборачивайся!

Я откуда-то знаю, что город впереди — белый. Он должен возвышаться и быть видным отовсюду. Но я ничего не вижу!

А позади уже не стон, а какой-то вой. Понимаю: меня зовут! Люди зовут, и именно те, с которыми я живу. Другим-то я зачем нужен?

— Оставь их! — говорит мне мой же голос.

Не отвечаю, а думаю: но я же не могу. Я же должен им объяснить... Я же вроде как собираюсь вернуться...

— Ты хочешь, чтобы они с тобой шли?!

— Да, хочу!

— А они — хотят?! Оборачивайся! И смотри!

Я оборачиваюсь и вижу: позади всё вспыхивает и горит. Вижу очень далеко: какие-то поля, леса, ветряные мельницы и сараи, какие-то города — вспыхивают и исчезают в огне, а сверху — тёмное небо, и в нём — светлый дым.

Я не понимаю, зачем?! Зачем был создан этот мир, зачем люди жили, учились, о чём-то мечтали, что-то делали?! Ведь многие же не мерзости сотворяли, а хотели только хорошего! Семьи заводили, детей рожали и растили... Мне рвёт грудь, жалость рвёт и осознание какой-то неисправимой тупости! Не жестокости — тупости!

— Смотри!

Стою и смотрю. Понимаю, что никому и ничем не могу помочь. И тут же слышу крики:

— Помогите нам!

Появляются — не люди, а образы в памяти. Возникают и меняются с другими. Родные, друзья, просто знакомые. И они на меня смотрят так, как будто у них всё хорошо! Что,

они не понимают, — уже всё горит!!! И кто тогда кричит «помоги»? У них же всё хорошо!

И у меня пропало жуткое беспокойство и стремление всех спасти. Я смотрю и вижу, что ветер, который только что сметал, как зимой снег, с земли пепел, — уже колышет волнами высокую шелковистую траву. Трава — тёмная, потому что темно, и только в свете полной луны трава переливается металлическим каким-то блеском.

— Видел?!

— Да.

— И по-прежнему хочешь?

Я замороженно смотрю на эти поблескивающие волны. Я ничего не отвечаю, только думаю: зачем всё было? Неужто нельзя было по-другому? Но как — по-другому? Я не знаю!

Ветер стихает. Начинает светить солнце, трава становится зелёной. В поле видна дорожка, которая направляется к лесу, который и далеко, и вот он — рядом.

А что в лесу, что за лесом я не вижу. Надо идти? Кто скажет, куда? Главное: зачем?!

И опять я слышу как бы свой же голос:

— Мы не можем любить, но только этого мы хотим!

Кагор — для причастия, шампанское — для восхищения

Возле церкви нищие калеки не милостыню просят, а песни поют. И руками машут. Кто на ногах — те подпрыгивают. С чего это? Чему восхищаются?

Может, уже не надо в грехах каяться, а пора только радоваться? Или Царствие небесное снова приблизилось, или кто оттуда с новой благой весточкой сошёл? Прости, Господи!

В церковьходишь — там, где свечи продавали, наливают шампанское. В пластиковые стаканчики. Опасения подтверждаются. Однако, хочу убедиться или хотя бы разобраться, и спрашиваю: что, кагора нет?

Нет, — говорят, — есть! Но кагор — для причастия, а шампанское — для восхищения.

Какое с шампанского-то восхищение? Одна головная боль.

Но в церкви твои мысли без слов читают, уж если подумал — не скроешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.